

Опубликовано в: Психология, лингвистика и
междисциплинарные связи: сборник
научных работ к 70-летию со дня рождения
Алексея Алексеевича Леонтьева / Под ред.
Т.В. Ахутиной, Д.А. Леонтьева.
М.: Смысл, 2008, с. 173-188.

ГРАМОТНОСТЬ И ИНТЕРНЕТ

А.Е. Войскунский

Если ты больше знаешь о психологии - расскажи.
Внимательные слушатели отделят зерна от плевел.
Из: *Манифеста падонкафф*

Мне представляется, что исследование на тему "психолингвистика Интернета" или "особенности речевой деятельности в Интернете" могло бы и даже должно было бы стать еще одной значительной вехой в блестящей научной карьере Алексея Алексеевича Леонтьева. Если бы не было живого человеческого и профессионального интереса к опосредствованному Интернетом общению, познанию, игре, трудовой деятельности - зачем бы Алексею Алексеевичу вести соответствующие темы, руководить студенческими работами, браться за рецензирование дипломов и за оппонирование диссертаций, связанных с разнообразными видами Интернет-активности? В обрывающемся 2000-м годом детальном списке публикаций А.А.Леонтьева, собранном в книге "Деятельный ум" (Леонтьев, 2001), завершенной 5 февраля 2001 г. (не просто совпадение!), такого рода публикации как будто не отмечены, да и после 2000-го года, насколько известно, заметных трудов по психолингвистике Интернета у Алексея Алексеевича не появилось.

Сие обстоятельство не может не вызвать сожаления, ибо в данной сфере происходят иной раз прелюбопытные процессы. В их изучении, оценке и объяснении нашлось бы место для негромкого, однако веского слова Алексея Алексеевича Леонтьева - ученого, полиглота и члена Совета по русскому языку.

Сама по себе несложная мысль, согласно которой сетевые технологии представляют собой наиболее "продвинутой" на сегодняшний и завтрашний день стадию знакового опосредствования и переопосредствования деятельности, судя по некоторым

нашим с ним беседам, представлялась ему корректной, однако не располагающей к увлеченному обсуждению. Мысль о соответствующем развитии типов грамотности - тоже. О грамотности, впрочем, стоит немного поговорить.

Вероятно, Алексей Алексеевич мог бы согласиться с типологией, предложенной в недавней книге Марка Варшауэра (Warshauer, 2004), который вслед за Л.С.Выготским связывает грамотность с освоением орудий и овладением технологиями и полагает грамотность "зонтиковым" термином, включающим наряду с компьютерной (умение оперировать с компьютером на элементарном уровне - включить, открыть папку, набрать текст, сохранить файл и т.п.), информационной (навыки поиска нужных сведений в информационных ресурсах, критической оценки их, сохранения и грамотного использования) и мультимедийной грамотностью (умение пользоваться аудиовизуальными технологиями и самостоятельно создавать, к примеру, колористически и музыкально эффектную/эффективную презентацию либо домашний фильм - в этом, как считается, выигрышный момент для тех обществ, родные языки которых либо не имеют письменности, либо - более частый случай - на них издано недостаточно много текстов) еще и не имеющую пока удачного наименования "грамотность в общении посредством компьютера (СМС)", или «навыки понимания и письма, необходимые для эффективной коммуникации посредством онлайн-медиа» (Warshauer, 2004, p. 117). К этому виду грамотности Марк Варшауэр относит общекультурные знания в преломлении к практике электронного общения, например, владение прагматикой эффективной аргументации и убеждения собеседника, в том числе группового собеседника или, как ныне часто говорят, комьюнити - примерами могут служить составление открытого письма, делового предложения, протокола состоявшегося обсуждения и т.п.

Нелишне заметить, что близкий круг идей развивают, пользуясь достаточно близкой временами терминологией, и другие зарубежные последователи Л.С.Выготского - достаточно сослаться на переведенные на русский язык работы Майкла Коула (Коул, 1997) или Чарлза Крука (Крук, 2000). Эти идеи отличаются в выгодную сторону, например, от вывода, принадлежащего Умберто Эко (1998). Последний, в свою очередь, отталкивается от прославившегося в середине XX века Маршалла Маклюэна (2005), согласно мысли которого на смену читающему письменные тексты «типографскому человеку» «галактики Гутенберга» пришел массовый потребитель аудиовизуальной продукции. Анализируя феномен Интернета, Умберто Эко заметил, что «наши общества в скором времени расщепятся (или уже расщепились) на два класса: те, кто смотрит только ТВ, то есть получает готовые образы и готовые суждения о мире, без права критического отбора получаемой информации, - и те, кто смотрит на экран компьютера, кто способен

отбирать и обрабатывать информацию» (Эко, 1998, с. 8). А поскольку информация представлена на экране компьютера в основном в текстовом виде, то на новом витке спирали «типографский человек» вновь занял, по мысли Умберто Эко, главенствующую позицию. Очевидно, рассмотренное выше представление о типологии грамотности открывает больше образовательных перспектив, нежели различие телезрителей и пользователей Интернета.

Рассмотренные выше типы грамотности, характерные для высокотехнологичного общества, тем не менее надстраиваются над первичной грамотностью - орфографической, пунктуационной, грамматической, лексической, стилистической, прагматической и др. Наличие программ-чеккеров не снимает необходимости овладевать этой грамотой базового, исходного или, так сказать, "нулевого уровня". Дальнейшая часть статьи будет посвящена в основном именно этому кругу проблем.

Существенными, как представляется, могли бы стать для Алексея Алексеевича соображения, согласно которым российская среда Интернета (т.н. Рунет) - самая настоящая неустанно работающая языковая лаборатория, активно преобразующая русский язык. На первый взгляд, это выглядит странным, поскольку широко известно, что "естественная среда" бытования Интернета - англоязычная. Тем не менее ряд национальных языков (таких, как испанский или китайский) понемногу теснят англоязычный Интернет. Нередкие ныне обозначения "суррогатных" языков типа *Spanglish*, *Indlish*, *Franglais* (а наряду с ними, возможно, и *Ruslish*) представляет собой мощный фактор воздействия на современный английский язык. В связи с миграционными процессами в современном мире можно заметить, что в такой густонаселенной стране, как США, миллионы людей повседневно применяют для работы в Интернете не официальный, а один из своих родных языков - испанский, польский, греческий, итальянский, китайский, русский и др. Можно, к примеру, сослаться на проведенный некоторое время назад анализ активности русскоязычного вебсайта, расположенного в Техасе (Sapienza, 1999).

Вот и Рунет - ширящееся русскоязычное пространство Интернета - является достаточно значимым инструментом продвижения русского языка во внероссийскую (и часто недружественную) среду. В частности, Рунет – своего рода инструмент экспансии русского языка и русской культуры в поредевшее пост-советское пространство, и инструмент достаточно эффективный. Что интересно, экспансия идет «естественным» путем, не планируется и не регулируется государственными органами, самозванными ассоциациями или идеологическими учреждениями. И будет идти до тех пор, пока в Рунете сохраняются возможности полноценного общения, появляются привлекательные

для многих информационных материалы, популярные игры и художественные проекты. Наряду с носителями русского языка из входивших ранее в СССР обретших независимость государств значительное участие в судьбе Рунета принимают и многочисленные представители, как иногда говорится, "дальнего зарубежья" - особенно заметным было их влияние на раннем этапе становления Рунета. Согласно некоторым прикидкам, количество не-россиян в Рунете приближается или к двум миллионам, или превышает это число.

Мне, как и другим авторам, уже доводилось, характеризуя до-мультимедийный этап развития Интернета, отмечать (Войскунский, 1991; Voiskounsky, 1995), что письменная речь в рамках электронных коммуникаций приобретает признаки, сближающие ее с речью письменной и одновременно устной, с монологом, диалогом и особенно с до сих пор малоизученным полилогом - а в случае активного применения телекоммуникаций его вправе называть "телелогом" (Voiskounsky, 1998; 1999). Впрочем, пришествие в Интернет звука и изображения мало что в этом плане изменило в тенденциях развития текстового общения посредством Интернета.

На англоязычном материале мною отмечалась парадоксальная тенденция к формированию своего рода пиджин-языка Интернета, который при некоторых обстоятельствах мог бы, как отмечалось, приобретать и качества креольского языка (Voiskounsky, 1998; 1999). Подобное потенциальное превращение может быть вызвано значительным приростом слабо или очень слабо владеющих английским языком пользователей Интернета, причем самое удивительное при таком раскладе событий обстоятельство заключалось бы в том, что все это имело бы место в рамках письменной, а не устной речи - вопреки всему, что ранее наблюдали и описывали социолингвисты. Другие достаточно очевидные формы воздействия Интернет-общения на англоязычную речь (к примеру, общее снижение уровня грамотности, высокая фамильярность, появление многочисленных аббревиатур и новых слов, насыщенность компьютерным жаргоном, ограничение области применимости пробела - слитное написание фраз и многословных названий, выходящее за границы Интернет-общения применение знака @ или слешей \ и / и др.), отмечены в моей статье (Войскунский, 2001).

Разумеется, особенности речевого поведения в условиях Интернет-общения с большей полнотой и более глубоко анализируются в специальных монографиях (Crystal, 2001), сборниках (Herring, 1996), журналах (напр., электронный журнал "Language@Internet": www.languageatinternet.de), в том числе в специализированных выпусках - примером может служить спецвыпуск периодического издания "Journal of Computer-Mediated Communication" (jcmc.indiana.edu), том 9, № 1 за 2003 год.

Так, Дэвид Кристал вводит и обосновывает наименование Netspeak и подробно анализирует речевые особенности применения таких коммуникативных сервисов Интернета, как электронная почта или чаты, а вместе с тем особенности общения в ходе виртуальных групповых игр, языковую специфику веб-сайтов, форумов при них, текстов с линейной структурой и гипертекстов; при этом он замечает: "Людям открыто больше возможностей оказывать воздействие на язык Web, чем при использовании любых других коммуникативных сред, поскольку они действуют по обе стороны коммуникативной ситуации: и воспринимают, и производят. Они не только читают текст, но и могут добавлять свои соображения" (Crystal, 2001, p. 208).

Впрочем, здесь не место подробно характеризовать получившую заслуженное признание среди специалистов книгу. Приведенная цитата позволяет заключить, что Дэвида Кристала не застало врасплох появление и развитие т.н. "блогосферы": нового коммуникативного сервиса - "блогов" (сокращение от weblog), или электронных записей дневникового, а часто и публицистического характера, открываемых для чтения и дополнения всеми желающими либо только ограниченным кругом приглашенных лиц;

О популярности "блогосферы" свидетельствует сообщение, распространенное 2 августа 2005 г. по каналам BBC (<http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/2/hi/technology/4737671.stm>): каждую секунду, как утверждается, в мире возникает новый блог; многие из них, правда, в дальнейшем не поддерживаются и забрасываются самими авторами. Примером активно развивающегося сегмента этой сферы может служить, скажем, русскоязычный "Живой Журнал" (LiveJournal.com), или просто ЖЖ. Ряд соображений о причинах высокой популярности данного сервиса высказан и обоснован Евгением Горным, среди них - особенности русской культуры и национального характера: высокая взаимосвязанность между "блоггерами" (т.е. авторами разных блогов и комментаторами), наличие в их среде интеллектуалов, легкость установления неформальных отношений, коллективизм, а также присущий россиянам дух соборности (Gorny, 2004; 2006). Разнообразные проявления в Интернете национального характера языковой личности россиянина тщательно исследует, основываясь на лингвистическом материале, и Галина Трофимова (2004а).

Итак, вернемся к Рунету - как отмечалось, лаборатории, или тиглю, или плавильному котлу видоизменения и развития (оговорюсь: очень многие полагают - развития по типу деградации) русской речи. Мне сдается, Алексей Алексеевич Леонтьев настороженно относился к проектам и прожекам языкового совершенствования; Впрочем, вполне вероятно, что для него было характерно дифференцированное отношение

к разным предложениям такого рода. Возможно, к вершащимся в Рунете экспериментам над русскоязычным общением он также отнесся бы неоднозначно.

Тщательный многуровневый анализ речевых инноваций, обусловленных развитием Рунета, уже решается на профессиональном уровне (Горошко, 2005; Гусейнов, 2000; Ермакова, 2000; Ермакова, 2001; Иванов, 2000), в том числе на уровне докторской диссертации (Трофимова, 2004а, 2004б), в которой обосновывается, в частности, мысль, согласно которой Интернет - это новая и перспективная для исследования сфера функционирования русского языка. Отвлекаясь вновь от реферативной работы, ограничусь в данной статье кратким перечнем ранее выполненных мною достаточно выборочных наблюдений (Войскунский, 2001). Примеры почерпнуты из сетевых словарей компьютерного сленга (Википедии: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>, словаря под ред. Д.Садошенко: <http://www.vbooks.ru/AUTHORS/SADOSHENKO-DENIS/011881.html#>, "Основ сетевого жаргона": <http://www.compleng.narod.ru/CyberWar.htm>), а также из сетевой прессы и из переписки автора.

Из бросающихся в глаза тенденций может быть отмечена транскрипция терминов (*гейт, ламер, глюк, ангрейд, сисоп, линк, чат, юзер, мастдай, геймер* и т.п.), часто наряду с редуцированием и усечением (*комп, плз, нутер, софт, проги, конфа*), а также суффиксация и префиксация англоязычных основ слов (*пинговать, сервак, аржить* и др.) и аббревиатур (*писюк, писишка, сидюк*): начало последнему процессу было положено на заре отечественной компьютеризации, когда были внедрены неуклюжие аббревиатуры типа *ЭВМ* или *АЦПУ*. В отличие от того времени, ныне в русских фразах широко распространена латиница (*web, ИМНО, asap* и др.), а с другой стороны, нежелание менять раскладку приводит к появлению почти уже понятных *ЗЫ* (т.е. P.S.) или *lytdybr* (т.е. дневник).

Отметим также «вторичную» мотивацию элементов профессиональной лексики (в том числе жаргонизмов), совпадающих с ранее нейтральными словами: *квакать* (играть в Quake), *резидент, винт, клави* (клавиатура), *аркада, полуось* (OS/2) и др. Нейтральные до того слова приобретают переносные значения (*чайник, железо, набить* и др.). А для термина «*память*» лексикографам следует предусмотреть дополнительное значение, поскольку принципы и механизмы хранения информации запоминающими устройствами отличны от процессов запоминания у человека и у животных. Ряд терминов утратил признаки, свойственные варваризмам, и прижился в нейтральном профессиональном слое русского языка – иногда в силу отсутствия хорошего русского эквивалента (*онлайн, Интернет, хакер*), а иной раз и невзирая на наличие эквивалентов (*постмастер, коннект, контент*).

Одна из очевидных тенденций состоит в фонетическом уподоблении новых терминов имеющимся в русском языке словам, соседствующим со слоем сниженной или обценной лексики, как-то: *стервер*, *кряк*, *пофиксить (to fix)*, *шаровары (shareware)*, *пентюх*, *междумордие (interface)*, *брякпойнт (break point)*, *быкануть (backup)* и др. Гасан Гусейнов усматривает здесь действие механизма «эсхрофемизма», понимаемого как «опыт снижения языка и последовательного вывода смысла из предмета разговора» (Гусейнов, 2000). Поясняя, что эсхрофемизм вытекает из привычной для советского времени речевой практики, автор добавляет, что обращение «к низкому, или неподцензурному, стилю речи (эсхрология)», как и «принудительное вчитывание подтекста в любое словесное сообщение» - оба этих приема «естественным образом развиваются в среде, где господствуют цензура и доносительство...» (Гусейнов, 2000). Таким образом, психолингвистическое наследие прошлого довольно парадоксальным образом проявляется в одной из наиболее "вестернизированных" сфер деятельности.

С такого рода тенденциями Алексей Алексеевич был неплохо знаком, и едва ли они вызывали у него возмущение - скорее усмешку: мол, *déjà vu*. А вот к некоторым тенденциям, проявившимся в Рунете впоследствии, он, скорее всего, отнесся бы иначе. Тенденции эти отнюдь не новы, однако весной и летом 2005 года они приобрели незаслуженную известность. Они представляют собой развитие эсхрологического принципа (использование матерного языка) наряду с принципом пренебрежения правилами орфографии - пишется как произносится, или "каждый пишет, как он слышит".

Имеется в виду движение "падонков", или "падонкафф" - в "Википедии" (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>) соответствующая словарная статья составлена следующим образом: "**Падонки** — сетевая субкультура (преимущественно молодёжная). Оформилась приблизительно в 2000 году. Позиционируется как контркультурная, протестная. Направление отечественного трэша. В основе творческого метода — провокация, эпатаж. Характерно использование обценной лексики, преднамеренных орфографических ошибок (см. язык падонков). На данный момент приобрела довольно большую популярность и может считаться одним из направлений культурного мейнстрима. В идеологическом отношении можно отметить определенную близость к панк-культуре".

Данная контркультура бравирует своей безграмотностью, хотя довольно очевидно, что столь откровенное пренебрежение орфографическими нормами основывается на знании их, и проявляет себя в жанре своеобразной "сетературы" на специфических сайтах и страницах (udaff.com, padonki.ru, padonki.org и др.), а также в составлении блогов в ЖЖ (на языке "падонкафф", в "Жыже") и в комментариях ("каментах") к записям в чужих

блогах. На их языке каждое оригинальное сочинение, каждая запись - это "креатифф", автору ("афтару" или "аффтару") которого выносится быстрая оценка - позитивная ("афтар пешы исчо", "ржунимагу", "готично" или - видимо, из студенческой практики - "зачот") либо негативная ("афтар выпей йаду", "афтар убейся вешалкай", "ацтой" и др.). Заметное место и в собственных "креатиффах", и в оценках занимает интерес к сексу, язык используется сугубо матерный вместе с некоторыми фиксированными ассоциациями и аббревиатурами ("учи албанский!", "кг/ам", "в Бобруйск!" и др.).

Можно, видимо, согласиться с немецкой исследовательницей российской культуры, и в частности сетевой культуры Энрикой Шмидт, которая в заключительном примечании к статье "Бестелесные радости" пишет: "Говоря очень в общем, в сфере литературы наблюдается особенная тяга к открыто эротическим сюжетам, нередко с использованием непристойной лексики, что не в последнюю очередь объясняется наличием негласного запрета на эротические произведения в российском обществе вплоть до недавнего времени" (Шмидт, 2001).

Оформившееся, как сказано, лет пять назад движение отчасти восприняло тематику и - в большей степени - речевую практику литературоцентричных индивидуумов, группировавшихся вокруг ранее существовавших сайтов (там-то и появился первоначально "Манифест неграматности") и отдельных узлов (точнее, "нодов") сети обмена сообщениями Фидо, как отметил Павел Протасов (2005). С широким развитием Интернета сеть Фидо заметно сузила ареал бытования, однако она до сих пор довольно удобна для бытования контркультурного андерграунда.

Так, в конце прошлого столетия в Подольске сформировалось, по свидетельству Павла Протасова (2005), объединение SU.KASCHEENKO.LOCAL. Наименование знаменитой больницы фигурирует не случайно: "Стараниями подписчиков ... была создана атмосфера сетевого дурдома с преобладанием больничной тематики и больничного же юмора. ... Кашениты весьма широко практиковали в своем творчестве, кроме коверкания грамматики, пародию и разного рода провокации (впоследствии получившие название "окащений")" (Протасов, 2005). Как отмечает тот же автор, в деятельности "кашеников" преобладал скорее "черный юмор", нежели "падоначный" интерес к "телесному низу". К примеру, деятельными пародистами был создан сайт с песнями никогда не существовавшей рок-группы "АЦЦКАЯ СОТОНА", а в уста реально существовавшего Александра Шушпанова (в Фидо - "Шушпанчика") были вложены "шушпанишады - короткие изречения, в которых Шушпанчик фигурировал. Из них очень удобно оказалось делать "куки", то есть условно умные изречения, вставляемые в письма..." (Протасов, 2005).

Таков - в кратком изложении - генез базирующей ныне в Интернете (при этом рекламирующей и свои печатные издания) группы, которая в чем-то претендует на положение "языковой лаборатории". На первый взгляд, речевая деятельность "падонкафф" мало отличается от нарочито примитивизированной речи некоторых других андерграундных движений, к примеру, петербургских "митьков". Однако Гасан Гусейнов (2005) находит в деятельности блоггеров-"падонкафф" черты, сближающие их с попытками создания в 1920-е годы отрицающей психологизм и беллетризм "литературы факта". "Как и в литературе факта, блоггер занят описанием "биографии вещи". Но "вещь", или "факт", блоггера это не персонаж блога, а его высказывание ... иногда одобренное изображением его самого или – чаще – изображением фрагмента увиденной им действительности. ... Промежуточной средой ... стало движение за максимально точную передачу устного речевого обихода в литературном тексте" (Гусейнов, 2005) - по справедливым словам того же автора, "падоночный" вариант "иногда фиктивно приспособлен к реальному произношению".

Литературоцентричность "падонкафф" Гасан Гусейнов (2005) усматривает и в их жанровой вовлеченности в то, что традиционно именуется "малой прозой" - очерк, фельетон, схолия (комментарий), записные книжки, мемуары, анекдот, миниатюра, запись в домашнем альбоме, протокол обсуждения, дневник, заметки путешественника, отчет о заседании суда, "опавшие листья" и др. Это действительно так, ибо инфантильные внелитературные "акции", пропагандируемые в "Манифесте падонкафф" (padonki.ru) едва ли способны увлечь многих: пройти по Красной площади под лозунгом "Падонки рулят жизнью!"; испугать в зоопарке страуса; запереть водопроводчика в подвале; связать ручки дверей веревками... Или вовсе: плюнуть на чужую спину в метро, кинуть с балкона бутылкой и "сразу спрятацца", порезать "шины" милицейской машине. Призывами к пакостям и к составлению отчетов о них для сведения других "падонкав" цитируемый "Манифест" не ограничивается: "падонкам" следует стремиться к получению радостей от жизни (пиво, легкие наркотики, секс, встречи с друзьями), а наряду с этим - овладевать знаниями, стремиться к высокооплачиваемой работе, не выделяться ни одеждой, ни татуировкой, ни аксессуарами, поддерживать "акции" других "падонков", стремиться к завоеванию высокого положения и власти, памятуя о том, что именно их власть будет справедливой.

Такова довольно однообразная активность одной из новоявленных "языковых лабораторий", свившей гнездо в Рунете и всю "исследующей" - довольно примитивным методом - грань между языковой грамотностью и безграмотностью. Алексей Алексеевич

Леонтьев прекрасно знал теоретические труды классиков гуманитарных наук начала прошлого века, ценил отдельные произведения "малой прозы", а вот его отношение к современным "криатифщикам" было бы, смею угадать, открыто отрицательным. Быть может, в данном случае Алексей Алексеевич счел бы возможным открыто выступить с неодобрением деятельности данной "лаборатории"...

Осознаю, что такое выступление, буде оно могло бы состояться, мало что изменило бы в описанной выше практике. В конце-то концов, нарочито малограмотные "падонки" просто несколько провокационнее коверкают язык, нежели формально образованные журналисты. Действительно, если заглянуть в "Национальную электронную библиотеку" (www.nns.ru), в которой собрана отечественная периодика, то легко убедиться в вопиющей малограмотности работников современных СМИ. Вот некоторые выбранные наугад данные за первую половину 2005 года.

Многократное появление в прессе слов "комп", "компютер", "писюк" или "сидюк" можно объяснить желанием работников прессы подстроиться под язык, ставший почти привычным и для программистов, и для "ламеров", и для "чайников". А вот как тогда объяснить и оправдать появление оскопленных слов *компютер (11.03.2005), *Интернет (03.02.2005, 15.02.2005, 28.02.2005, 04.04.2005, 14.04.2005, 25.04.2005, 09.06.2005), *жизненный (24.01.2005, 03.02.2005, 15.02.2005), *групповой (14.04.2005), *кординатор (09.06.2005) или *перзидент (15.02.2005, 06.05.2005, 30.05.2005, 09.06.2005)? Грустно покачал бы головой Алексей Алексеевич: увы, увы, déjà vu...

Пора перейти к заключительному замечанию. Иногда говорится - понимаю, весьма утрированно: "Если тебя нет в Интернете, тебя нет нигде". Вместе с тем Интернет безжалостен: в нем сохраняются (быть может, навсегда - вопрос этот несколько спорный) когда-то допущенные ошибки, недоделки и недочеты.

Отмеченная в свое время Жоресом Медведевым операция выдергивания из читательских каталогов центральных библиотек (ВГБИЛ или Публички) библиотечных карточек, соответствующих тем сочинениям, относительно которых у авторов есть все основания стыдиться, не проходит в электронных каталогах и вообще в Интернете. Немало людей ныне обращаются к держателям сетевых ресурсов с требованием убрать компрометирующие их материалы - правдивые или нет, "заблуждения молодости" или прямые пасквили. Обычно это им не удается.

Известно, что люди представлены в Интернете не во всей своей субъектности, а в редуцированном, вполне постмодернистском виде: как "языковые личности", как набор продуцированных ими самими (или – вариант – другими людьми о них) текстов. Такие тексты могут представлять собой специально составленные самоописания

(самопрезентации), а также электронные публикации, реплики в чатах, гостевых книгах, форумах, телеконференциях, комментарии в блогах, сетевых журналах и др. При минимуме экстралингвистической и обедненной прагматической информации даже наличие фотографий играет не более чем дополнительную роль, так же как возможные показатели статуса.

С одной стороны, опора на вербальные сообщения разной степени истинности и подробности является помехой для осуществления ориентировочной стадии общения и социальной перцепции – к примеру, она «препятствует адекватной всесторонней оценке партнеров по общению ... Скупая информация ... гипертрофируется и служит основой для формирования стереотипного впечатления о партнере» (Астляйтнер, 2000, с. 346). Согласно же альтернативной точке зрения, она не лишена позитивных моментов, среди которых опора на легко актуализируемые и часто обновляемые сведения о партнерах, а не на ранее сложившиеся и, может статься, устарелые стереотипы, «эффект ореола» и др. (Войскунский, 2001; Тихомиров и др., 1986).

Вызов новой действительности может показаться довольно неожиданным. Самопрезентация в Интернете в очень большой степени зависит от всех рассмотренных выше типов грамотности, в том числе - от традиционно понимаемой языковой грамотности. И атрибуция социально желательных качеств, и нарочитая аггравация меркнут перед допущенными орфографическими и пунктуационными ошибками, употреблением канцеляризмов, неумением попадать "в стиль", неуклюжими грамматическими оборотами. Словом, продуцирование вербальных сообщений и самоописаний в Интернете подчиняется тем же языковым и морально-этическим правилам и обычаям, что и традиционное человеческое общение. Очень хочется думать, что Алексей Алексеевич Леонтьев согласился бы с таким выводом...

Литература

Астляйтнер Г. (2000). Дистантное обучение посредством WWW: социальные и эмоциональные аспекты // Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А.Е.Войскунского. М.: Можайск-Терра, с. 333-366.

Бергельсон М. (1999). Языковые аспекты виртуальной коммуникации. <http://www.rik.ru/vculture/seminar/index.html>

Войскунский А.Е. (1991). Речевая деятельность в ходе компьютерных конференций // Вопросы психологии, № 6, с. 142-147.

Войскунский А.Е. (2001). Развитие речевого общения как результат применения Интернета // Социальные и психологические последствия применения информационных технологий (Мат-лы международной интернет-конференции, проходившей 20.03-14.05.2001 на информационно-образовательном портале www.auditorium.ru) / Под общей редакцией А.Е.Войскунского. М.: Московский общественный научный фонд, с. 232-242. http://www.auditorium.ru/v/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&id_thesis=60

Горошко Е.И. ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММУНИКАЦИИ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ) // ВЕСТНИК ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2005, № 1, с. 82-90. <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylolog/2005/01/goroshko.pdf>

Гусейнов Г. (2000). Заметки к антропологии русского интернета: особенности языка и литературы сетевых людей. // Новое литературное обозрение, № 43, с. 289-321. <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html>

Гусейнов Г. (2005). Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику. Speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm

Ермакова О.И. (2000). Этика в компьютерном жаргоне // Логический анализ языка науки. Языки этики / Отв. ред. Н.Д.Арутюнова, Т.Е.Янко, Н.К.Рябцева. - М.: Языки русской культуры, с. 246-253.

Ермакова О.И. Особенности компьютерного жаргона как специфической подсистемы русского языка. 2001. http://www.dialog-21.ru/archive/2001/volume1/1_14.htm

Иванов Л.Ю. Язык интернета: заметки лингвиста. 2000. <http://www.ivanoff.ru/rus/OZHWEB.htm>

Коул М. (1997). Культурно-историческая психология. М.: Когито-Центр.

Крук Ч. Школы будущего // Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А.Е.Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000, с. 314-332.

Леонтьев А.А. (2001). Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл.

Маклюэн М. (2005). Галактика Гутенберга. М.: Академический проект.

Протасов П. (2005). П@утина, выпуск 25. // Русский журнал, 23 мая 2005. <http://old.russ.ru/culture/network/20050523.html>

Тихомиров О.К., Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е. (1986). Общение, опосредствованное компьютером // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. № 3, с. 31-42.

Трофимова Г.Н. (2004а). Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М.: Изд-во РУДН.

Трофимова Г.Н. (2004б). Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. А/р дисс. ... д-ра филол. наук. М.: РУДН.

Шмидт Э. (2001). Бестелесные радости. Проблемы тела, реальности, личности и языка в русскоязычном литературном Интернете // Сетевая словесность, 28.05.2001. <http://www.litera.ru/slova/schmidt/radosti.html>

Эко У. (1998). От Интернета к Гутенбергу // Новое литературное обозрение, № 32, с. 5-14.

Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Gorny, E. (2004): Russian LiveJournal: National specifics in the development of a virtual community. Version 1.0. http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ-cyb/library/texts/en/gorny_rlj.pdf

Gorny, E. (2006). Russian LiveJournal. The impact of cultural identity on the development of a virtual community. // H. Schmidt, K. Teubener & N. Konradova (Eds.). Control + Shift. Public and Private Usages of the Russian Internet (pp. 73-90). Norderstedt: Books on Demand. Available online at:

http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ-cyb/library/texts/en/control_shift/Gorny_LiveJournal.pdf

Herring, S.C. (ed.) (1996). Computer-Mediated Communication: Linguistic, Social and Cross-Cultural Perspectives. Amsterdam: John Benjamins Publ.

Sapienza, F. A. (1999). Communal ethos on a Russian Emigre Web Site // Javnost - The Public. Journal of the European Institute for Communication and Culture, VI(4), pp. 39-52.

Voiskounsky, A.E. (1995). The Development of External Means of Communicative Orientation // Journal of Russian and East European Psychology, vol. 33, N 5, pp. 74-81.

Voiskounsky, A.E. (1998). Telelogue Speech // Network and Netplay: Virtual Groups on the Internet / Ed. by F.Sudweeks, M.McLaughlin, S.Rafaeli. AAAI Press/The MIT Press, pp. 27-40.

Voiskounsky, A. (1997). Telelogue Conversations. // Journal of Computer-Mediated Communication, Vol. 2, № 4. <http://jcmc.indiana.edu/vol2/issue4/voiskounsky1.html>

Warshauer, M. (2004). Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide. The MIT Press. Cambridge, Mass., London, England.